

Рудольф Штейнер

Духовная наука как познание основных импульсов

Из GA 199: Духовная наука как познание основополагающих импульсов социального образования

(пер. с нем. Е. Печалиной)

Отрывок из лекции

Дорнах 6 августа 1920 года

Сегодня я начну с весьма отрадного факта: по прибытии я нашел здесь много друзей, которые приехали, чтобы узнать о том, что здесь произошло и что планируется сделать в нашем антропософском движении. Я самым сердечным образом приветствую всех присутствующих и надеюсь, что, побывав здесь, вы возьмете с собой всевозможные побуждения для новой работы. То, что мы несколько лет не могли видеть некоторых из нас, указывает на трудности того времени, в котором мы живем. Мое пребывание в Штутгарте было наполнено разнообразными внутренними задачами нашего антропософского движения и завершилось, среди прочего, окончанием первого учебного года основанной в Штутгарте «вальдорфской» школы. Эта вальдорфская школа относится к тем учреждениям, которые задумывались, исходя из нашего духовного движения. Завершение первого учебного года показало, что хотя к школе и были предъявлены высокие требования, мы можем выразить удовлетворение нашей работой. Позвольте рассказать об этом подробнее, ведь по отношению к подобным вещам можно быть довольно объективным и тогда, когда всем сердцем с ними связан и известным образом это дело организовал.

Прежде всего в отношении этой вальдорфской школы вызывает удовлетворение то, что преподавательский состав в результате понял, что надо полностью поставить себя на антропософскую основу. Но эта «антропософская основа» не подразумевает того, чтобы вальдорфская школа, исходя из современных отношений, была мировоззренческой школой, была школой, в которой учат антропософии. Это не входит в наши намерения. Мы намеренно так организовали преподавание религии, чтобы те дети, чьи родители хотели, чтобы они посещали евангелические уроки, — занимались бы у евангелического пастора, чьи родители хотели, чтобы они посещали католические уроки — у католического пастора, и только для тех, кто не причислил себя ни к одной существующей конфессии, отдельно от остальных уроков давался бы некий вид антропософских уроков религии. Но несмотря на то, что у нас не было намерения основать мировоззренческую школу, у нас все же было желание дать практические педагогические и дидактические импульсы, исходящие из наших духовно-научных воззрений, из наших духовно-научных требований, дабы они применялись в воспитании и образовании юношества. Таким образом, антропософия должна найти своё выражение в управлении уроком, в управлении всем школьным процессом, в особом роде педагогике и дидактике, в методах преподавания. Когда учитель-антропософ оплодотворяет уроки, исходя из требований антропософии, тогда проявляется, как оживляюще действует антропософия, как она действительно становится деянием. Когда предоставлялся случай, я наблюдал за успехами вальдорфской школы в течение первого учебного года. Я уезжал и вновь возвращался на одну — две недели, я мог контролировать уроки, мог видеть, как развиваются отдельные классы. Я мог, например, заметить, как нашему другу доктору Штейну удавалось оживлять уроки истории благодаря тому, что он вносил антропософские импульсы в преподавание истории в старших классах. Я мог заметить, как доктор фон Гейдебранд

оплодотворяла человековедение, преподавание антропологии в пятом классе благодаря тому, что не рассказывала детям то скучное человековедение, каким оно обычно бывает в наших школах, а действовала из антропософских требований. Многие, подобное этому, я мог бы привести в деталях, из чего видно, как, никоим образом не обучая абстрактно антропософии, именно методика, характер способа изложения может быть оплодотворен антропософией. Именно это практическое применение антропософских требований показывает, что фактически антропософия не должна оставаться отстраненным, абстрактным мировоззрением, что она может непосредственно вмешиваться в человеческие дела, хотя нам, к сожалению, позволено вмешиваться в человеческие дела лишь в ограниченных областях, собственно, лишь в таких, какой является, например, вальдорфская школа. И когда мы завершили первый учебный год, то выступило нечто, указывающее прежде всего на чисто внешнее, но в действительности на нечто очень внутреннее: произошло полное обновление, что показывали свидетельства об успеваемости.

Такие свидетельства являются поистине самым незначительным в существе школы, они выражают внешние оценки учителей, вписывающих в них баллы 1,2,3,4,5 и так далее, которые в своей основе являются тем, что самым ужасающим, умертвляющим образом действует на существо школы. *Наши* свидетельства вытекают из реальной школьной психологии, из практического применения человеческого «душеведения». Наши учителя в конце первого учебного года подошли к тому, что смогли каждому ребенку дать свидетельство, соответствующее его характерным способностям, показывающее индивидуальные шаги его развития. Не было ни одного свидетельства, похожего на другое, ни одной оценки в баллах, но было охарактеризовано существо ученика исходя из индивидуального знания о нем учителя. Уже в течение первого учебного года учителя так интимно искали углубления в душу ребенка, что смогли вместе со свидетельством выдать каждому ребенку направляющую характеристику, соразмерную индивидуальности ребенка.

Такие свидетельства стали нововведением. Но нельзя делать из этого вывода, что везде можно следовать этому примеру, ведь это основано на всем духе вальдорфской школы, основано на том, что в вальдорфской школе в течение первого учебного года интенсивнейшим образом занимаются школьной психологией. Нами старательно изучалось, какими путями происходят определенные тонкие процессы в классе с более быстрой успеваемостью и в классе с более медленной успеваемостью, в силу чего некоторые из них происходят раньше или позднее. Уже в ходе первого учебного года мы пришли к таким явлениям, которые в известной степени являются поразительными. Так, например, выяснилось, что класс имеет вполне определенную конфигурацию, если в нем число мальчиков равно числу девочек. И проявляется совсем другая конфигурация, если мальчиков большинство, а девочек меньшинство или, наоборот, девочек большинство, а мальчиков меньшинство. В наших классах были все примеры. Такие факторы, на которые даже не обращают внимания, являются существенными во многих отношениях.

Когда высказываются известные основы психологии, когда даются определения, то они часто не передают того, о чем, собственно, идет речь. Безобразие нашего времени заключается в том, что слишком часто хотят выразить вещи в сжатой последовательности слов; нельзя хорошо изучить вещи, если их хотят выразить в сжатой последовательности слов. Нужно отдавать себе отчет в том, что в силу того, что вещи выражают словами, они всегда определяются приблизительно.

Конечно, мы всегда находимся в своеобразном положении, когда говорим о результатах нашего антропософски ориентированного духовнонаучного движения. Учителя этой вальдорфской школы в самом высоком смысле слова были подвергнуты испытанию благодаря тому, что действительно были собраны вместе самые усердные, самые подходящие для педагогики люди. Сегодня, к сожалению, если люди хотят что-либо практически осуществить, они часто наталкиваются на огромные препятствия, которые я могу обозначить так: мир сегодня беден людьми, действительно подходящими для каких-либо жизненных задач, и было бы гораздо труднее, если бы нужно было основать вторую вальдорфскую школу. В этом случае вопрос о подходящих, действительно способных личностях, которые могут действовать, исходя из антропософски ориентированной духовной науки, стал бы намного труднее, так как для этого должны быть сведены вместе те, о ком можно говорить всерьез. Все же один раз в этой области, без сомнения, нечто достигнуто. Но я хотел бы сказать, что это — остров, на котором в ходе первого учебного года развивалось духовное существо преподавания, действительно извлеченное из фундаментальных основ антропософии. Этот остров ограничен, и вне его лежит финансирование школы, хозяйственные отношения школы, которые, само собой разумеется, вставлены внутрь современной государственной хозяйственной жизни, переживающей упадок. И тут существует нечто, о чем следует сказать: перспективы не таковы, какими они должны были бы быть, но их нужно сделать таковыми, ибо следует с пониманием относиться к такому делу. Но что, собственно, мешает тому, чтобы в конце концов вальдорфская школа была осуществлена, исходя из духа? Прежде всего, вальдорфская школа, основанная нашим другом *Мольтом*, была образована для того, чтобы в ней учились дети рабочих фабрики Waldorf-Astoria. Уже в первый год в школе было много детей, которые не относились к фабрике Waldorf-Astoria; всего было около двухсот восьмидесяти детей. Уже сейчас подается много новых заявлений; естественно, детей рабочих фабрики Waldorf-Astoria будет не более, чем было, добавятся только те, кто родился в соответствующий год, а таких немного. Но если все действительно пойдет хорошо, если кроме прочего смогут быть упорядочены и экономические отношения, то у нас, с учетом поданных на сегодня заявлений, будет уже свыше четырехсот детей. Поэтому необходимо строительство, должны быть приняты новые учителя, должны открыться параллельные классы. Если все это произойдет, став своего рода испытанием крестом, то вслед за тем пониманием, которое уже проявилось в том, что так много людей извне приводят к нам своих детей, последует ли понимание людей в отношении финансов? Мне хотелось бы отметить и то, что мне показалось любопытным, что в коридоре мне была представлена мама-министр ребенка, принятого в вальдорфскую школу. Итак, все же и те, кто таким образом связан с современным существом государства, приводят своих детей в вальдорфскую школу. Такие вещи следует, собственно, в социальном отношении обстоятельно изучать. Возможно, именно в таких явлениях, как вальдорфская школа, можно заметить, что действительно необходимо в наше время.

В вальдорфской школе убедительно заявило о себе проявление известной поверхностности, которая, как я часто отмечал, свойственна именно нашему времени. К руководству школы обращались люди, которые хотели бы лишь немного стажироваться, то есть, хотели бы кое-что «разнюхать» в вальдорфской школе. Но в этом случае невозможно много увидеть, поскольку дело заключено не в частностях, но во всем духе, который правит в вальдорфской школе и который попросту является антропософским. Тем, кому скучно изучать антропософские книги, следовало бы вместо того, чтобы прийти и посмотреть, как идут дела в вальдорфской школе, углубиться в антропософию. Ибо то, что

дает вальдорфской школе дух, что составляет ее фундамент, можно увидеть исключительно в том, что лежит в основе спиритуальных импульсов антропософской духовной жизни. Антропософская духовная жизнь является сегодня не только чем-то, что обращено к отдельному человеку, когда он, исходя из жизненной и душевной необходимости, стремится поднять взор к мировым духовным силам; духовная наука — это нечто, что должно быть сегодня обращено к нуждам нашего времени, к упадку нашего времени...